Лилия Дерябина

Белая лилия,

или история девочки в немецком плену

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний о детстве и войне.

- Лилия Дерябина
  -
  -
  - Предисловие
  - Глава первая. Поезд идет на запад
  - Глава вторая. Начало войны
  - Глава третья. Жизнь в оккупации
  - Глава четвертая. Рауль
  - Глава пятая. Расправа над дедом
  - Глава шестая. Все дальше на запад
  - Глава седьмая. Лагерь в Геттингене
  - Глава восьмая. Донос в гестапо
  - Глава девятая. В монастыре
  - Глава десятая. Рассказ матери
  - Глава одиннадцатая. Фрау Анна
  - Глава двенадцатая. Последние месяцы плена
  - Глава тринадцатая. Освобождение
  - Послесловие
  - Приложение. Фотоиллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Лилия Дерябина
Белая лилия, или История девочки в немецком плену

© Дерябина Л.В., текст, 2015
© фото из семейного архива

Моей маме — самой смелой, сильной, красивой и удивительной женщине

и

Фрау Анне — женщине, благодаря которой я осталась жива.

Уважаемые читатели!

История хранит немало воспоминаний о войне, о судьбах детей, побывавших в концлагерях, работавших в плену в фашистской Германии.

Воспоминания Дерябиной Лилии Васильевны, которые мы собираемся предложить Вашему вниманию, могут показаться кому-то уже где-то прочитанными или ранее слышанными. Но никого, и в этом мы убеждены, они не оставят равнодушными. Они трогают душу искренностью беззащитного ребенка, на месте

которого могли оказаться и мы, и наши дети, родись лет на семьдесят раньше. Они очень правдивы и искренни.

Нам трудно представить, как эта маленькая девочка могла вынести столько испытаний и горя, перенести столько страха и боли. И не только вынести, но и помочь выжить в тех нечеловеческих условиях маме и братику, сохранить веру и любовь к жизни.

Много лет Лилия Васильевна собиралась рассказать историю своей жизни. Но всегда что-то останавливало. Сначала хотелось все скорее забыть, потом страшно было вспоминать о пережитом.

Но сегодня, когда в мире опять неспокойно, когда каждый день видишь на экране перепуганных и плачущих детей, лагеря беженцев; людей, брошенных своей страной и не принятый другой, начинаешь понимать, пришло время вспомнить то, что было семьдесят лет назад.

Угроза фашизма, насилия становится реальностью, поэтому книга Лилии Васильевны Дерябиной особенно актуальна сегодня.

Предисловие

Я — бывший несовершеннолетний узник концлагерей. Так называется официальный статус детей, побывавших в концлагерях и гетто, созданных фашистами и их союзниками, во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Это сейчас меня зовут Лилия Васильевна, а в те годы я была маленькой девочкой, и звали меня просто Лиля. От имени Лили я и буду вести свой рассказ о самой страшной войне в истории XX века. Я — непосредственный ее свидетель и в какой-то степени участник.

Много испытаний мне пришлось пережить: и жестокие годы войны, и ад фашистский концлагерей, и голодное послевоенное детство, и равнодушие и черствость чиновников в зрелом возрасте. Но особенно тяжела была ноша непонятной мне вины перед Родиной. Вины за то, что была в плену в фашистской Германии.

Я хочу рассказать о событиях, которые тяжелым катком прошлись по моей жизни. Таким тяжелым, что я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, если вижу сны из тех лет, в которых возникают отдельные эпизоды моей жизни в мельчайших подробностях: снова слышу выстрелы, лай собак, немецкую речь, плач и стоны людей. Просыпаюсь в страхе и бегу на кухню, наливаю в стакан воды, капаю несколько капель валерианы и возвращаюсь в постель, но уснуть уже не могу …

Я хочу, чтобы нынешнее поколение знало правду о том, что пришлось вынести всему нашему советскому народу в Великую Отечественную войну и особенно нам, детям …

Что осталось в памяти из того далекого времени?

Глава первая. Поезд идет на запад

Очень хорошо помню начало июня 1941 года. Владивосток. Жаркое, душное утро приморского города. Мы на железнодорожном вокзале. Меня и маму провожают на поезд Владивосток-Москва, мы едем в отпуск в город Брянск к папиным родителям. Папа уже там.

Мне четыре с лишним года, я — крепкий здоровый ребенок, веселый и очень подвижный.

Мама небольшого роста, гордая осанка и тонкие черты. У нее густая копна темно-каштановых волос, ее миндалевидные зеленые глаза так и искрятся! Прощались с родственниками легко — ведь мы думали, что через месяц они снова будут нас встречать на этом же вокзале.

Увы! Тогда мы и не предполагали, что уже никогда не вернемся в свой родной город!

Путь предстоял долгий. В нашем вагоне всего двое детей: я и мальчик лет пяти. Мы весело резвились. Пассажиры относились к нам дружелюбно, приглашали в купе, угощали чем-то вкусным. Помню, как кто-то крикнул «Байкал!», и все кинулись к окнам. Вода Байкала подкатывала прямо под колеса вагона, и мне казалось, что вагон плывет по озеру, как корабль…

В Брянске нас встречали папа и дед. Высокий, широкоплечий, статный мужчина, с пышными усами и удивительно молодыми, ярко-голубыми, глазами. Когда мы вышли из вагона, он поднес руку ко лбу и, подмигнув, сказал моему отцу: «Вася, ты кого привез, я что-то никого не вижу?»

Подошел к моей маме, обнял ее, поцеловал, потом подхватил меня и посадил себе на плечи. Недалеко у станции стояла лошадь с подводой.

Дед усадил всех на подводу, и мы тронулись в путь, в деревню Малое Полпино. Дорога проходила через густой лес. Я вертела головой — мне все было интересно. Подъехав к дому, дед открыл ворота и по ступенькам красивого крыльца завел нас в чистую горницу, украшенную вышитыми занавесками.

Посредине стоял большой деревянный стол, за которым сидела молодая женщина. Дед сказал: «Моя жена Дарья!» Потом ласково попросил ее: «Дашенька, пожалуйста, накрой стол». Она встала, постелила вышитую скатерть, поставила деревянные тарелки и ложки, вынула из русской печи большой чугунок и положила в него деревянный черпак.

Я впервые видела такую посуду и с интересом рассматривала ее. Дед сам разлил по мискам борщ, который мне очень

понравился, он был наваристым и ароматным. Взрослые немного поговорили, и дед сказал: «Жена, неси похлебку!»

Я выросла в городе и знала, что на «первое» дают суп, а на второе — котлету или рыбу. А жена деда принесла картофельный суп, заправленный молоком. Я закричала: «Не хочу супа, дайте похлебку!» Я думала, что похлебка — это что-то «второе». Все засмеялись, а дед положил мне в тарелку кашу с куском мяса.

Утром, проснувшись, я сразу побежала во двор и увидела гусыню с гусятами. Гусята были такие хорошенькие, пушистые, что мне захотелось их погладить. В этот момент между мной и гусятами возникла мама-гусыня. Она, конечно же, бросилась на защиту своих малышей и больно щипнула меня за руку.

Я вскрикнула и хотела убежать, но гусыня погналась за мной, ухватив клювом подол моего платья. Шум, крик. Прибежали взрослые, отогнали гусыню, но у меня еще долго оставался большой синяк…

Больше я не делала попыток подходить к животным.

Глава вторая. Начало войны

Мы приехали в начале июня, а через полмесяца началась война. Отец, кадровый офицер, сразу явился в военкомат, где получил направление на фронт. Почему-то проводы отца на фронт я запомнила особенно хорошо. Был солнечный день. Поезд стоял посреди поля. Мама обнимала отца и плакала, а я, не понимая, что происходит, прыгала, рвала цветы и пела. Мама окликнула меня: «Иди, попрощайся с отцом, он уезжает».

Он поднял меня, прижался щекой, со слезами на глазах опустил меня на землю и, поцеловав маму, побежал к поезду. Я не могла понять, почему мама, захлебываясь слезами, кинулась вслед уходящему поезду. Ведь небо такое голубое, поле усеяно цветами, яркое солнце, птицы весело щебечут, а мама плачет!

Папа уезжает, но он и раньше уезжал, а мама так не плакала. Мама обняла меня и сказала: «Война, доченька, немцы напали на нашу страну».

Я знала о войне — об этом папа часто говорил с мамой. В ее голосе было пугающее, я расплакалась, и в моей детской душе поселилась тревога.

Мама засобиралась в дорогу, она хотела как можно скорей вернуться во Владивосток. Мой дед сказал ей: «Я уверен, что война долго не продлится, оставайся, куда ты с маленьким ребенком, да еще беременная вторым».

Тогда верили, что Гитлер не решится напасть на Советский Союз, а если и нападет, то война долго не продлится. И мама осталась.

Дед поселил нас в Брянске. Завез большой запас продуктов: овощи, крупы, муку, сало, спички, соль. С таким запасом мы надеялись пережить зиму.

В городе было относительно спокойно. Люди собирались у репродукторов, слушали сводки «Совинформбюро», делились слухами. Сводки были оптимистичными, а слухи — тревожными. Месяца через два в небе над Брянском появились немецкие самолеты, и начались бомбежки. Первое время люди прятались кто куда: в канавы, в подвалы, русские печи, которые когда-то клались прочно и потом не разрушались даже при бомбежках…

Наши зенитные подразделения пытались противостоять немецким самолетам, но боеприпасов не хватало, зенитных установок было мало, и они быстро смолкали.

Поначалу самолеты прилетали ночью, а потом и днем. Сбрасывали бомбы на важные хозяйственные объекты, а на бреющем полете стреляли по людям, разбегающимся в разные

стороны. Вскоре были созданы бригады, которые соорудили несколько бомбоубежищ, и самое большое — около вокзала.

Однажды недалеко от дома я, по поручению мамы, собирала щавель, крапиву, лебеду. Вдруг в небе послышался гул самолета. Я подняла голову и увидела низко летящий самолет со свастикой на борту и смеющегося летчика.

Я бросилась бежать, но самолет развернулся и стал стрелять в «мишень». Я побежала, но споткнулась и упала на спину, случайно накрыв себя собранными травами и со страху сжавшись в комочек. Немецкий летчик пролетел надо мной, но не увидел в траве.

В этот момент застучали наши зенитки. Самолет повернул на запад, но ему не дали уйти. Вскоре он загорелся и рухнул на землю. Ярко светило солнышко, только птицы не пели, напуганные. А я лежала в траве и смотрела на небо. Два белых маленьких облачка, кудрявых, как два барашка, которых я видела в соседнем дворе, плыли по нему. Я жива, жива, жива!

Я, совсем маленькая девочка, вдруг не по-детски ощутила радость жизни и полюбила голубое небо и плывущие по нему белые облака…

Глава третья. Жизнь в оккупации

В конце августа 1941 года немцы были в нескольких километрах от Брянска. Мама работала в привокзальном буфете, я была рядом. Вдруг мимо нас пробежал солдат с большим мотком провода. Он крикнул: «Уходите немедленно! Через час здесь будут немцы! Мы будем взрывать вокзал».

Мама, будучи на пятом месяце беременности, заметалась, схватила кусок сала, завернула в полотенце, потом набрала в большой ковш гречневой каши, и мы побежали.

В небе появились немецкие самолеты, и мы кинулись к бомбоубежищу, которое было недалеко от вокзала. Мама крикнула: «Беги вперед, занимай место!» Я кинулась к убежищу, но все места уже были заняты, я не видела, куда бы пристроиться. В углу сидела старушка, которая поманила меня пальцем. Я подошла, она усадила меня на колени и, наклонившись надо мной, обхватила руками.

В этот момент прогремел взрыв. И нас всех накрыла кромешная тьма. На какое-то время повисла тишина, а затем раздались крики, стоны. Я сидела, прикрытая бабушкой, мне было жутко в ее объятиях и очень душно. От испуга я закричала, но никто не ответил.

Наконец послышались глухие удары. Это отряд спасателей-добровольцев пытался нас откопать. Прошло часа три, полных ужаса, стонов, криков. Не хватало воздуха.

Когда был проделан лаз, начали вытаскивать людей, которые могли самостоятельно двигаться. Я освободилась из рук старушки и увидела, что голова ее пробита, и она мертва.

Мне стало страшно, я кинулась к отверстию с громким плачем, и мужчины за руки вытащили меня. Я бегала вокруг спасателей и кричала: «Там моя мама! Спасите маму!» Побежала снова к дыре в завале, но меня оттащили. «Лучше покажи, где находился вход». Я показала, и они начали рыть.

Вскоре появилась дверь, ее с трудом открыли, и я увидела лежащую маму. Ее вытащили и осмотрели: ни ушибов, ни ран не нашли. Выяснилось, что она уцелела благодаря тому, что балки потолка бомбоубежища образовали над мамой пирамиду, которая и удерживала насыпь. А меня в тот день ценой своей жизни спасла старушка.

В конце августа 1941 года в город вошли немецкие войска. Первыми въехали на мотоциклах карательные отряды СС. Заселялись солдаты в те дома, где были запасы хозяйских продуктов. В тех дворах, где была какая-либо живность,

они вытаскивали из сараев свиней, кур, гусей. Тут же во дворах на глазах хозяев отрывали птицам головы, свиней резали.

Нашлась одна, наша соседка, которая «верноподданнически» встретила немецких солдат хлебом-солью, но и в ее дворе повторилось, то же самое: вытащили откормленную свинью, зарезали ее и начали сооружать вертел. Хозяйка закричала от неожиданности, кинулась было к немцам, пыталась оттащить их от свиньи, но ее резко оттолкнули.

Она снова вцепилась в немца, который разделывал тушу свиньи. Тогда ее ударили автоматом, и она, наконец, замертво упала рядом со своей свиньей.

В нашем доме скотины не было, но в подвале, куда они заглянули, хранились завезенные дедом продукты. Немцы заняли большую горницу, а нам оставили маленькую комнатку. Один из немцев ткнул маму в живот: «kinder-partizanen»[1] — и захохотал.

Через две недели каратели двинулись дальше. Мы немного успокоились, но когда спустились в подвал, мама села на ступеньки и расплакалась: большая часть продуктов была съедена, осталось немного картофеля, крупы, репы и много красной свеклы.

Вскоре в город прибыли войсковые части. Они начали наводить свой, немецкий, порядок. «Ordnung, noch ordnung»[2] слышали мы постоянно. Была создана брянская управа, в которой работали немцы, но в помощники брали из «местного населения». К нашему удивлению, многие шли работать к немцам по собственному желанию, но были и те, кого заставляли. Люди прятались, старались не попадаться на глаза оккупантам, но это не всегда помогало. На нужных специалистов в городе указывали те, кто уже работал в управе. В дом к ним приходили солдаты и уводили, а если кто-то сопротивлялся или отказывался, отправляли в гестапо, а потом расстреливали. Говорили, что гестапо наводит ужас не только на советских граждан, но и на немцев, в самой Германии.

Встаёт перед глазами ещё один страшный случай, после которого я изменила своё отношение к войне. Мы, дети, не сразу осознали весь ужас войны. Несколько малышей играли на дороге. Вдруг из-за поворота показались три танка. Дети бросились врассыпную, но одна маленькая девочка осталась на дороге. И мы увидели, как первый танк, продолжая своё движение, наехал на девочку. Раздался душераздирающий крик, но тут же стих. Мы в ужасе застыл. По распластанному телу девочки проехали и два других танка. Вместо девочки на дороге под разодранным платьем лежала кучка костей, мяса и крови. Внутри меня что-то оборвалось. Я оцепенела. В этот момент раздался крик матери

девочки. Она встала на колени перед тем, что осталось от её дочери. Потом подняла руки к небу, воскликнула: «Господи! Как ты мог это допустить?» — и так застыла. Я подошла к ней, сняла с её головы платок, спокойно собрала на него останки девочки и подала их матери. Она прижала узелок к груди и, пошатываясь, ушла…

С этого дня я разучилась смеяться, плакать и перестала чего-либо бояться: немцев, бомбёжек, свиста пуль, изувеченных тел, крови, мертвецов. Похолодевшая и напряжённая внутри, я всегда была настороже. Я приняла войну со всеми её ужасами как данность, в которой приходилось не просто жить, а выживать.

В декабре 1941 года, в наш дом вселились немецкие офицеры-танкисты. Из наших запасенных продуктов и их пайков мама должна была готовить для них.

Маме было с каждым днем всё тяжелее — приближался день родов. Рядом с мамой не было никого, кто бы мог ей помочь при родах. 22 декабря 1941 года, я крепко спала, а проснулась от того, что мне под бок что-то положили. Открыв глаза, я увидела маму, она приложила палец к губам и тихо сказала: «Это твой братик, его зовут Эдик». Она ни разу не крикнула, сама зубами перегрызла пуповину. Мою маму до войны все наши знакомые считали изнеженной, слабой женщиной — она боялась мышей, насекомых, не переносила боль. Но тогда именно эта «неженка» проявила недюжинную силу воли, мужественно перенесла все невзгоды.

Утром мама стала, как обычно, готовить еду офицерам. Она надеялась, что немцы не заметят появления ребенка, но вдруг Эдик громко заплакал.

Один из офицеров открыл дверь, а увидев ребенка, воскликнул: «О, kinder»[3]. Я испугалась, вдруг он заберет братика, и накрыла его с головой одеялом. Но немец подошел к маме и, к ее удивлению, сказал: «Nicht arbeiten, schlafen»[4] — и вскоре наступила тишина. Мама осторожно вышла, никого не было. Наконец мы остались одни. Мама закрыла двери на засов, захлопнула ставни и кинулась в нашу комнатку. Она взяла Эдика на руки, прижала его к груди, целовала, потом развернула пеленки, осмотрела. Увидев, что пупок слегка воспалился, обмыла его кипяченой водой и присыпала какой-то травкой.

Я, пятилетняя девочка, вдруг увидела, какая моя мама красивая! Она сняла с головы платок, волосы рассыпались по плечам, зеленые глаза светились любовью и лаской, она была счастлива.

В Брянске был введен комендантский час, постоянная проверка документов, не разрешали собираться группами,

каждый новорожденный ребенок должен быть зарегистрирован в городской управе. За непослушание — расстрел.

Зима 1941–1942 годов для нашей семьи была страшной и голодной. Несмотря на «порядок» на улицу невозможно было выйти, в городе разбойничали мародеры. Окна, выходящие на улицу, мы закрывали ставнями, а двери — на засов. В погребе осталось немного картофеля, моркови и несколько мешков свеклы (немцы ее почему-то не любили). Именно ею нам пришлось питаться всю зиму и весну. Я потом долгие годы не могла заставить себя готовить блюда со свеклой.

Весной 1942 года люди начали вскапывать огороды и сажать овощи, у кого что было. Моя мама не умела заниматься огородом: она была горожанкой в седьмом поколении, как она, смеясь, говорила. Поэтому мы с мамой ходили в поле искать оставшуюся в земле картошку, не собранную с осени гречиху, рвали лебеду и крапиву. Выживали, как могли.

К осени стало очень голодно. Ребенок грудной, его нужно кормить, а у мамы от голода было очень мало молока. От недоедания братик плохо рос, постоянно плакал. Чтобы его успокоить, я пережевывала какую-нибудь пищу, заворачивала в тряпочку и совала ему в рот. На время он затихал и ненадолго засыпал, потом просыпался, но кричать уже не мог, а только пищал.

Мама не выдержала и, собрав кое-какие вещи, пошла вместе с другими женщинами в ближайшую деревню менять вещи на продукты. Обмен неравноценный — за золотое кольцо давали один-два килограмма картофеля или килограмм муки, а к концу зимы еще меньше…

Наконец мама решилась пойти в деревню к родственникам мужа. Деревня находилась далеко от Брянска, ехать было не на чем, пешком нужно идти несколько часов. На дороге можно столкнуться с немецким патрулем, который «караулил» партизан. Но мама все-таки пошла, взяв с собой подругу, которая знала дорогу. Им удалось незаметно пройти мимо немцев, к вечеру были в деревне, нашли дом деда.

Дед встретил их во дворе и сказал маме, что он вернулся из партизанского отряда в деревню, чтобы предложить немцам свои услуги в качестве старосты. Мама испуганно спросила, как это он решился. Дед тихо ответил: «Так нужно», — и отвернулся.

Он дал совет маминой попутчице, в какую избу постучаться, чтобы обменять вещи на продукты, а сам пошел в дальний угол двора, где у него был замаскирован погреб для хранения съестных припасов.

Дед оставил женщин ночевать в избе, несмотря на протесты

своей молодой жены, а утром отвез их в город. Сказал маме: «Ты в деревню к нам не приезжай, я сам буду по возможности. Если меня долго не будет, все равно не приезжай. Чтобы со мной ни случилось. От моего имени может приехать человек и что-нибудь вам привезти».

В течение зимы он несколько раз привозил кое-что съестное, но с каждым разом все меньше. Однажды ближе к весне дед привез небольшой мешок картошки и сказал: «Тоня, у нас кончаются припасы, скоро я ничем не смогу помочь. Вот тебе немного репы, моркови, свеклы и маленький мешочек муки. Это вам до лета. Картошку не трогай. Весной вскопай за домом грядки и посади картошку. Чтобы получилось больше, разрежь каждую на две-три части с ростками».

Глава четвертая. Рауль

В эту зиму случилось то, что мне навсегда врезалось в память. Наш дом стоял на окраине Брянска, поэтому немецкие патрули частенько заходили проверить, не прячутся ли у нас партизаны. В одну из таких проверок пришел патруль в составе трех солдат и обер-лейтенанта. Офицер был подтянут, холодные серые глаза смотрели строго и надменно. Я тихо стояла в углу большой комнаты и наблюдала за действиями патруля. Особенно меня заинтересовал офицер. У него в руках был стек, которым он постукивал по своим хромовым сапогам. Приказы солдатам он отдавал тихим голосом, но таким тоном, что солдаты опрометью кидались их исполнять.

Пока солдаты осматривали подсобные помещения во дворе и залезали в погреб, офицер заглянул в кухню, осмотрел кладовку, потом открыл дверь в маленькую комнату, где находилась мама с братиком.

Я подбежала к открытой двери и увидела, что мама сидела на табурете, прижав сына к груди, и испуганно смотрела на офицера. Я слегка дернула его за шинель, он резко повернулся и, что-то сказав солдатам, вышел из дома. За ним ушли и солдаты. Какая-то неясная тревога поселилась в моей душе. И не напрасно…

Через несколько дней офицер снова появился в нашем доме, он постучал в дверь нашей комнаты, я вскрикнула от испуга. Он вошел, сухо поздоровался, потом на ломаном русском сказал: «Я — Рауль. Я плохо учил русский язык, но много понимаю. Не бойтесь, я пришел в гости», — и сел на табурет, положив на стол сверток.

Закрыв сына с головой одеялом, мама сидела, боясь пошевелиться. Я бросилась к маме, села рядом и крепко обняла её. Рауль, наконец, поднялся, бросил на меня сердитый взгляд, показал на пакет: «Это ребенку» — и вышел. Ещё несколько минут мы сидели неподвижно, пока не затих скрип его сапог на снегу.

На следующий вечер Рауль появился снова и снова постучал в нашу дверь. Вытащил из кармана носовой платок, вытер им табурет. Улыбаясь, сел, но взглянув на стол и увидев нетронутый пакет, нахмурился.

Встал, достал второй пакет, положил его на стол и резким движением вскрыл оба. На стол высыпались пачки сухого молока и яичного порошка, сахар, шоколад, спички, соль.

Такого богатства мы давно не видели! У меня загорелись глаза, и я было потянулась к столу. Заметив мое движение, офицер сунул мне в руки шоколад: «Essen»[5]. Я взяла шоколадку,

отломила маленький кусочек, положила в рот. Это было такое блаженство! Так вкусно! Мне хотелось еще, хотелось съесть все, но я отложила шоколадку для братика и мамы. Рауль улыбнулся, увидев, что я откусила шоколад, потрепал меня по щеке и вышел.

Когда я закрыла за ним дверь и вошла в комнату, мама совала Эдику в рот кусочек шоколадки. Братик от удовольствия чмокал губами и мурлыкал как котенок, а мама смотрела на него и плакала. Потом она отломила себе кусочек и мне дала еще один.

Два дня Рауля не было, но за это время мы взяли только одну пачку печенья, которую в основном скормили Эдику, потому что молока у мамы почти не было.

На третий вечер Рауль пришел в каком-то тревожном состоянии, принес большой кулек, который поставил под стол. Он нервно ходил по комнате, быстро-быстро говорил по-немецки. Часто повторялись слова: krieg, alles scheize dreck, rusische schweine[6] и другие. Мама сидела молча, только изредка бросала на него злые взгляды. Но он их не замечал, метался по комнате и говорил, говорил.

Вдруг Рауль успокоился, посмотрел на маму и сказал по-русски: «Я сегодня остаться спать здесь». Он сел на табурет и стал снимать сапоги. Вдруг мама вскочила и по-немецки выкрикнула: «Русские свиньи? Это вы свиньи! Пришли в нашу страну убивать нас! Мой муж погиб на фронте. У тебя на руках его кровь!»

Немец побледнел: «Ты знать немецкий?». Он нервно натянул сапоги, надел шинель и выскочил из дома.

Через некоторое время послышался хруст снега под чьими-то ногами. Мама быстро потушила лампу, и в ту же минуту раздался выстрел, в комнату влетела пуля и ударилась об русскую печь. Мы кинусь под стол. Раздался второй выстрел, и снова пуля ударилась об печь. Послышались шаги уходящего человека. Стало тихо, но мы ещё около часа просидели под столом.

Утром мама вышла во двор и увидела следы, похожие на те, которые оставлял Рауль, приходя к нам в дом.

Больше Рауль на нашем пути не встречался. Уже после войны мама рассказывала, что Рауль ругал Гитлера, нацистов, гестапо, которые оторвали его от мирной жизни, погнали в эту дикую, нецивилизованную Россию, где нет дорог, туалетов, негде принять ванну, зато много партизан. Русская армия плохо вооружена, но солдаты продолжают отчаянно сражаться, вместо того чтобы сдаться доблестной немецкой армии, как это сделала вся Европа. Когда Рауль понял, что мама знает немецкий, он испугался. Вдруг она донесет на него в гестапо, и потому решился ее убить.

Глава пятая. Расправа над дедом

Наступила весна. Мы посадили картошку и репу, а осенью получили урожай. Я в меру своих сил помогала маме. От деда не было никаких вестей. Мама чувствовала: что-то произошло, решилась пойти в деревню.

В ту сторону собирался ехать наш сосед (у него была лошадь с телегой). Мама напросилась к нему в попутчики, пообещав часть продуктов, которые она надеялась получить у деда. Меня с Эдиком мама решила взять с собой, она хотела упросить деда приютить нас, так как боялась оставаться в городском доме одна с детьми. В городе было опасно и голодно.

Когда мы приехали в деревню и вошли в дом деда, там оказалась только его жена. На наш вопрос, где дед, она что-то буркнула и ушла в другую комнату. Минут через десять в дом вошел полицай в сопровождении двух немецких солдат. Они подошли к маме и толкнули ее прикладом в сторону двери. Мама вскрикнула и кинулась ко мне с братом. Полицай сказал: «Забирай детей и иди с нами». Мама завернула сына, надела на меня пальтишко, оделась сама и вышла на улицу за солдатами. Шествие замыкал полицай.

Нас привели в большую избу, где находилось несколько немецких офицеров. Они о чем- то поговорили с полицаем. Тот подошел к нам, толчками в спину повел нас в другую комнату, в которой ничего не было, кроме небольшой охапки сена.

Полицай, уходя, повернулся к нам, приложил к губам палец и закрыл за собой дверь. Мы остались одни в полной темноте. Мама прижимала нас к себе и тихо плакала. Утром она попыталась открыть дверь, но не смогла.

Мама села на сено, взяла на руки грудного сына, который был голоден, пыталась его покормить. Но она сама сутки ничего не ела, молока оказалось мало. Вдруг в комнату вошел «вчерашний» полицай, сунул кусок хлеба с салом: «Быстро съешь! Скоро выходить. Молчи, что бы ни случилось» — и стремительно вышел.

Мама откусила кусочек сала, облизала его и сунула ребенку в рот. Тот жадно начал его сосать. Разломав хлеб на три части и раскусив сало на два кусочка, она дала один ломтик хлеба с салом мне, вторую такую же порцию спрятала в карман для Эдика. Себе она взяла только один кусочек хлеба.

Спустя какое-то время мы услышали топот ног, голоса и лязг оружия. Мама вскочила. Прижала к груди сына, а меня взяла за руку и испуганно смотрела на дверь, которая вскоре резко

открылась. Громко топая сапогами, вошел немецкий солдат с автоматом наперевес и вытолкал нас на улицу. Там стояла толпа жителей деревни. Увидев нас, люди заохали и запричитали, а мы смотрели на них. В этот момент моя мама-атеистка увидела виселицу и перекрестилась и еще крепче прижала нас к себе.

Вдруг толпа повернулась в другую сторону и снова запричитала. Мама тоже повернула голову и снова перекрестилась — два эсэсовца под руки вели нашего деда.

На него страшно было смотреть: одежда разорвана, сквозь нее виднелись раны, текла кровь, особенно сильно из пальцев рук. Все лицо было в кровоподтеках, один глаз полностью закрылся сплошным кровавым пятном.

Он еле передвигался, но, увидев уцелевшим глазом свою сноху, он встал, и губы зашевелились, но конвоиры тут же подтолкнули его к виселице. Они попытались сами поднять деда на скамейку, но не смогли — дед был богатырского сложения.

Тогда он с усилием выпрямил могучие плечи, оттолкнул немцев и, уцепившись окровавленными руками за стойку виселицы, поднялся на эшафот. Дед с трудом поднял руку, толпа затихла, даже солдаты перестали переговариваться. И в наступившей тишине, еле размыкая распухшие губы, он сказал: «Запомните, товарищи, я никого не предал, я выполнял свой долг перед Родиной. Мы победим!» Стояла общая тишина. Первым опомнился офицер. Он выхватил пистолет и выстрелил в деда, тот пошатнулся, но не упал. Тогда офицер подскочил к виселице и сам ногами выбил скамейку. Мощное тело несколько раз дернулось и замерло.

Толпа взревела и двинулась в сторону виселицы. Солдаты дали очередь в воздух. Люди в панике повернули назад.

В этой суматохе тот же полицай повел нас в хату и закрыл в той же комнате.

Глава шестая. Все дальше на запад

Прошли целые сутки без пищи и воды. Мама пыталась кормить Эдика, и он снова начинал тихо пищать — ни плакать, ни кричать у него уже не было сил.

Рано утром в комнату вошел полицай. Положил перед нами узелок: вареная в мундире картошка, нарезанная редька, черствый хлеб и маленький кусочек сала.

Мать разделила сало на три части: одну отдала мне, другую отложила братику, третью спрятала и сказала: «Не жуй, а соси!» Я уже знала: так легче приглушить голод.

Ранним утром мы услышали шум, хлопанье дверей, топот множества ног. Мама вся напряглась, прижала нас к себе. Вскоре дверь распахнулась, вошли немецкий офицер, два солдата и один в гражданской одежде, как оказалось, переводчик. Он сообщил: «Вам очень повезло. Немецкое командование решило дать вам возможность работать на рейх. Вам разрешается взять с собой в дорогу немного одежды и еды, вас повезут в рейх, будете работать во славу великой Германии».

Все вышли, и мы остались одни. К вечеру пришел полицай, принес мешок с провизией. Когда все вышли, мама нашла записку: «Вечером вас отправят поездом, но партизаны попытаются поезд отбить».

Ближе к ночи пришел тот же полицай с двумя солдатами и повел нас на улицу, где стояла телега с лошадью. Полицай усадил нас на телегу, рядом сели солдаты и полицай, и мы двинулись в сторону Брянска. Уже глубокой ночью подъехали к эшелону, который стоял на том же пути, откуда уезжал мой отец в июне 1941 года…

Немецкий солдат «помог» маме с погрузкой — схватил меня за руку и закинул в вагон. От резкой боли я закричала. В этот момент подошел уже знакомый нам полицай, взял у мамы из рук Эдика, помог ей влезть в вагон и подал ребенка. Затем забросил мешок и овчинный тулуп.

Солдаты закрыли двери вагона. Набирая скорость, поезд двинулся в кромешный мрак, в страшную для нас неизвестность.

Вагон, в который мы попали, был набит людьми, в основном женщинами и детьми школьного возраста. Мама нашла свободное место в углу вагона, бросила мешок, расстелила тулуп, положила ребенка и посадила рядом с собой меня. Она стала гладить мне вывихнутую руку, целовать, но я продолжала плакать.

К нам подошла женщина, сказала, что она врач, потрогала мою руку и вдруг резко дернула ее. Я заорала, но вскоре боль

утихла, и я уснула на материнских коленях.

Мы ехали уже третьи сутки. Поезд двигался очень медленно, часто останавливался, но никого из вагона не выпускали. Нужду мы справляли в дыру, сделанную в полу вагона.

И вдруг услышали взрыв впереди поезда, вагоны закачались. Послышалась частая стрельба. В вагоне началась паника, люди попытались открыть двери, стучали кулаками, кричали.

Мама стала всех успокаивать, что это партизаны пытаются поезд отбить у немцев. Люди, казалось, поверили и стали прислушиваться к тому, что происходит. Раздался еще один взрыв. Вагон сильно накренился. Шум выстрелов удалялся, все затихло.

Загремел засов, и люди с волнением смотрели на открывающиеся двери, ожидая увидеть партизан. Но в проеме двери показались немецкие солдаты, которые что-то кричали. Люди оцепенели и не двигались. Но солдаты прикладами стали выталкивать всех из вагона.

Мама прижала к груди сына, а меня подтолкнула к дверям. Я кое-как сползла по ступенькам, мама подала мне братика, а потом сама спрыгнула.

Солдаты толчками сгоняли выпрыгивающих из вагона людей с насыпи железной дороги в поле, где уже стояла большая толпа. Оттуда было видно, что рельсы перед паровозом и часть самого паровоза разворочены взрывом. Позади последнего вагона рельсы тоже вздыблены, вдоль насыпи лежали убитые и раненые в полушубках…

Немцы подходили к лежащим и, если кто-то еще шевелился, стреляли в голову. Мама всхлипнула: «Господи, это же партизаны, они хотели спасти нас, но не смогли и сами погибли. Что будет с нами?» Глядя на нее, заплакала и я.

Стоявший поблизости солдат больно стукнул меня по голове. Я упала на мокрую землю, солдат поднял ногу, чтобы пнуть, но мама успела меня поднять, и удар пришелся по ее ногам. Она вскрикнула и чуть не выронила сына.

Толпа задвигалась, зашумела. Солдат вскинул автомат и дал очередь в воздух. В этот момент подъехала крытая машина, из которой выскочили немецкие солдаты с собаками, «натасканные» на человека.

Мы шли три дня в сопровождении вооруженных немецких солдат и злобных немецких овчарок. Под ногами вязкая глина, постоянно шел мокрый снег.

Иногда колонну останавливали, и мы садились прямо в грязь. Доедали то, что еще оставалось в узелках, делились последним с теми, у кого ничего не было.

Немцев сопровождала полевая кухня, но они нас не кормили и отталкивали автоматами детей, которые пытались попросить еду.

Однажды один из солдат так ударил автоматом ребенка, что тот упал замертво, а его мать, кинувшуюся к нему, пристрелил. Дети усвоили — больше никто не подходил к немцам.

Наконец мы оказались на территории Польши. Нас поместили в какое-то большое сухое и теплое помещение. Сутки никто не заходил. Мы обсохли и выспались, но были страшно голодны, особенно дети. Все хныкали и просили у матерей хлебушка…

И вот двери открылись, нас выгнали на улицу. Это была огромная площадь перед вокзалом, за ним виднелись составы товарных вагонов. На площади стоял длинный стол, за которым сидели люди в белых халатах.

Всех прибывших солдаты выстроили в очередь, мы оказались в ее хвосте. Возле стола началось какое-то волнение, крики, плач. Оказывается, у матерей отбирали самых маленьких детей. Солдаты отгоняли их к стоявшим невдалеке крытым автомашинам, а стариков и больных в другую сторону.

Мама стала лихорадочно выбрасывать вещи, спрятавшись за спины стоявших в очереди людей. Она «упаковала» девятимесячного сына, а мне велела аккуратно опуститься на мешок и сидеть тихо.

Перед столом она осторожно опустила с плеча мешок на землю. Немец в белом халате приказал ей открыть рот, осмотрел зубы, затем сдернул платок, которым мама закрыла голову и почти все лицо.

Глянув ей в лицо и увидев распущенные волосы, немец восхищенно поцокал языком и толкнул ее в направлении эшелона.

Мама подняла мешок и втиснулась в середину толпы, снова натянув на голову платок до самых глаз. Многие женщины плакали и рассказывали, что у них отобрали детей, и что с ними будет, они не знают. В этот момент солдаты стали загонять людей в вагоны. Женщины кинулись к своим детям, которых уже сажали в крытые автомашины. Но солдаты прикладами загнали матерей в вагоны. Двери закрылись и поезд тронулся.

Мама втиснулась в дальний угол вагона, я сидела, дрожа от страха, а Эдик спал.

Женщины удивленно спрашивали, как это можно было спасти детей. Одна из женщин пошарила в своем узелке и протянула маме корочку хлеба и две морковки. Горячо поблагодарив, мама разжевала хлеб, завернула его в тряпочку и вложила ее в рот

сыну, тот жадно зачмокал губами и через несколько минут снова заснул.

Две морковки мама вытерла руками, одну дала мне, вторую, поменьше, взяла себе. Я грызла морковку долго и тщательно, чтобы заглушить голод. Морковь кончилась, а голод продолжал мучить.

Поезд, набирая скорость, мчался на запад. Постепенно в вагоне наступила тишина, все заснули, задремали и мы с мамой. Ранним утром мы проснулись от лязга открываемой двери. Все замерли в испуге.

В проеме показались два немецких солдата, они закинули в вагон два ящика, задвинули засов. Люди сидели неподвижно и смотрели на ящики. Только после того, как двинулся поезд, пожилая женщина подошла к ним, осторожно открыла один, оказалось, с хлебом. Она открыла и второй ящик, в нем тоже был хлеб, вернее куски хлеба — остатки от солдатского обеда. Люди зашевелились и потянулись к ящикам.

Женщина остановила их и сказала: «Делить будем поровну, поэтому необходимо всех пересчитать. Встаньте десятками, детей тоже считайте, в каждой десятке выберите старшего».

Каждому досталось по несколько кусочков. Никто не знал, когда еще их покормят, поэтому положив в рот по кусочку, остатки спрятали в карман. Некоторые все-таки не выдержали, съели все сразу.

Люди снова попытались уснуть, чтобы заглушить голод и сохранить силы. Но уснуть не удавалось, они ворочались, вздыхали, некоторые плакали. Постепенно люди стали друг с другом знакомиться, расспрашивать, кто, откуда, обсуждать, что ждет их впереди.

Пожилая женщина, которая вчера дала нам две морковки, а сегодня распределяла принесенный немцами хлеб, подошла со своим узелком и устроилась рядом с нами. «Меня зовут Мария. Можно я буду вам помогать? Ведь трудно одной справляться с детьми».

Мы тогда не знали, что эта женщина, крупного телосложения, с натруженными руками, надолго станет нашим другом, нашим ангелом-хранителем. Мария развернула свой мешок, достала шерстяное одеяло, сняла с головы теплый платок, сложила вчетверо и уложила на него моего брата.

Стуча колесами, поезд продолжал двигаться на запад. Что нас там ждет, мы даже представить не могли. Поздно вечером поезд остановился, дверь открылась, и в вагон поставили большой бидон с водой и одну кружку.

В ящик солдаты высыпали из мешка куски хлеба. Люди почти

сутки ничего не пили, поэтому все двинулись к бидону. У кого была какая-либо посуда, черпали воду из бидона, а у кого не было, пили из общей кружки.

Так продолжалось до прибытия нашего поезда в город Трир. Здесь нас впервые накормили горячим обедом — выдали в алюминиевых мисках суп из брюквы и картошки и по куску черствого хлеба.

После обеда всех построили. Приехали прилично одетые мужчины и, проходя вдоль рядов, осматривали стоявших людей. Того, в кого тыкали пальцем, отводили в сторону. Как оказалось, богатые немецкие господа отбирали себе рабов для подневольного труда.

Вскоре на привокзальной площади осталось несколько десятков человек. В основном это были женщины с детьми, пожилые женщины и мужчины.

Глава седьмая. Лагерь в Геттингене

Лагерь (немцы называли его трудовой), куда нас привезли, предназначался для пленных из Советского Союза, которые должны были работать на паровозоремонтном заводе. Лагерь специально расположили рядом с крупным железнодорожным узлом, чтобы наши союзники его не бомбили.

Вся территория, огороженная колючей проволокой, через которую пропускался электрический ток, охранялась немецкими солдатами.

Пленные жили в бараках на 300 человек, спали на двухъярусных нарах, на которых лежали жесткие матрасы и тонкие заношенные одеяла. Был установлен строгий порядок — в 5 часов утра все шли в столовую, где получали котелок баланды из брюквы. Порция выдавалась на целый день, хочешь, съедай все сразу или оставь до вечера. Некоторые брали котелки с собой на завод, чтобы доесть во время перерыва. Оставлять в бараке было опасно: голодный сосед мог не удержаться…

На работу водили солдаты с овчарками. Если кто-нибудь из пленных делал шаг в сторону, солдаты спускали собак.

Однажды стоявшая на обочине дороги, по которой двигались пленные, пожилая немка протянула кусок хлеба. Кто-то выскочил из строя и схватил хлеб. Он только успел затолкать его в рот, как спущенные собаки кинулись к нему и растерзали у всех на глазах. Над колонной пронесся ропот, а немка закрыла лицо руками и села на землю.

Такая же участь постигла и выпавшего из строя старика, у которого не было сил идти дальше. В наступившей тишине послышалась команда: «Бегом марш! Быстро!»

Пленные работали по 12 часов в день с двумя перерывами по 30 минут. Первое время раз в день работающим выдавали 100 граммов хлеба, испеченного непонятно из чего. Те же, кто оставался в лагере, никакого хлеба не получали. Поэтому многие женщины, у которых оставались в лагере дети, тайком от мастера прятали хлеб в одежду. Но уже с лета 1944 года они лишились и этого куска.

На территории лагеря были расположены: здание администрации у самых ворот, поодаль — казарма для солдат-охранников, рядом — столовая для немцев. В глубине — одноэтажное каменное здание, баня для пленных.

На заводе работали не только пленные, но и немцы: инженеры, мастера и другие специалисты. Администрация завода, так же как и администрация лагеря, очень боялась

подхватить какую-нибудь заразу от «русской свиньи», поэтому всех пленных, и детей, и взрослых, заставляли каждый день умываться и мыть ноги, а раз в неделю мыться в бане.

В помещение бани немцы впускали какой-то газ, который должен был, по их мнению, убивать вредных микробов и насекомых. Многим от этого газа становилось плохо, а некоторые даже умирали. Особенно тяжело переносили газ дети.

Нас поселили в бараке, который находился напротив здания администрации лагеря. Я спала на втором ярусе нар, мама с братом — на нижнем. В лагере было много военнопленных, женщин с детьми и детей 13–17 лет без родителей, а также молодых женщин.

В штате лагеря числилась надзирательница, которая должна была воспитывать маленьких детей и учить их немецкому языку и немецкому порядку. Она приказала называть себя фрау Марта. Это была высокая, очень полная женщина, затянутая в кожу, которая скрипела при каждом движении. Она всегда ходила с длинной тростью.

Фрау Марта знала русский язык, но плохо. Она заставляла нас говорить на немецком языке и, если кто-то неправильно произносил слова, очень больно била этой тростью. Она тыкала ею в живот или пинала нас сапогами. Дети боялись ее и, увидев в воротах лагеря монументальную фигуру, прятались кто куда.

Она сразу заметила моего брата Эдика. Ему тогда было два года, он был голубоглазый блондин. Фрау Марта спросила у моей мамы: «Ты спала с немцем? Ребенок от немца?» Мама замахала руками: «Нет, нет! Мой муж русский и сын русский!» Фрау Марта злобно хлестнула ее по лицу. Мама вскрикнула и приложила руку к щеке, сквозь пальцы выступила кровь…

Вскоре Марта совсем исчезла из лагеря, а взамен появилась молоденькая девушка, которая совершенно не обращала внимания на детей и большую часть времени проводила около охранников, или на кухне, где готовили еду для солдат.

В 1944 году в администрации уже знали, что моя мама владеет немецким языком. Ее забрали с работы на заводе и заставили вести учет прибывающих и убывающих пленных (умерших от истощения, убитых за провинности, увезенных больных в так называемую «русскую» больницу и выбывших по другим причинам).

В рейхе к концу войны в рейхе не хватало продуктов питания, одежды, электроэнергии, бензина и многого другого. Даже электрический ток, пропускаемый по проволочному ограждению, стали периодически отключать, но делали это секретно, чтобы пленные не разбежались.

Но мы, дети, как-то умудрялись пробираться к ограждению подальше от здания администрации, проделывали под проволокой руками и палками лаз, вылезали через него наружу и бежали к мусорной свалке. Там мы рылись в куче мусора, отыскивая старую одежду, остатки продуктов: кусочки хлеба, подгнившие овощи и фрукты, и даже поломанные игрушки. Все трофеи мы приносили в барак и там делились с теми, кто был слишком мал или слаб от голода и болезней.

Однажды, когда я побежала к проволоке, за мной увязался мой брат Эдик. Ему было всего два с половиной года, он еле ковылял на своих рахитичных ножках, и мы не могли с ним догнать наших. Поэтому я повела своего братика на самую близкую к лагерю свалку.

Она была маленькая, но и на ней можно было найти какие-то остатки продуктов. Около свалки мы увидели заплесневелую корочку хлеба, но не подняли ее. И тут же нашли полбуханки хлеба, которую я спрятала подмышку. Эдик зачем-то прихватил с собой кастрюльку без дна, и мы двинулись к лагерю.

В этот момент из-за угла свалки появился очень худой человек: на нем была грязная рубашка, рваные брюки, на голове ежиком торчали пучки волос, подбородок зарос седой щетиной, ноги босые и сильно израненные. Он кинулся к той корке и вцепился в нее зубами.

Я неосознанно протянула этому человеку, который оказался голоднее нас, спрятанный подмышкой хлеб. Он жадно схватил его, что-то промычал, из глаз его покатились слезы. Махнув рукой, несчастный человек куда-то побежал, а мы с братом пошли к лагерю.

Погода была прекрасная, светило солнышко, мы шли вдоль реки по зеленой аллее. Лагерь располагался на другой стороне реки, нужно было перейти мост. Вдруг мы услышали гул сирены, оповещающий о налете самолетов.

И действительно, сзади раздался свист падающей бомбы. Мы оглянулись — мост завалился в реку. Подойдя к проволочному заграждению, увидели маму, пролезли под проволоку. Она шлепнула нас, но потом обняла и расплакалась.

Эдик вытирал своими ручонками ее слезы, утешал: «Мамочка, не плачь! Мы тебе принесли кастрюльку», — и подал ей кастрюльку без дна.

Мама посмотрела на нее и рассмеялась: «Сыночек, что я буду в ней готовить? Ведь у нас нет ничего». Мой братишка нашел способ добывать пищу. Он уже довольно бойко говорил по-немецки. Когда Эдик видел, что какой-нибудь солдат жует бутерброд, он подходил, дергал за штанину и говорил по-

немецки: «Папа! Папа! Я хочу кушать».

Кто-то из солдат мог дать ему кусочек, а кто-то отгонял или просто отворачивался. И вот однажды Эдик увидел у дверей немецкой столовой солдата, держащего в руке большой кусок хлеба. Он подбежал к нему и, дернув за штанину, попросил хлебушка. Солдат долго смотрел на него, продолжая жевать, потом остаток хлеба бросил на землю, а когда Эдик кинулся к хлебу, сильно ударил его сапогом.

Эдик кубарем прокатился по земле, кое-как поднялся и молча пошел к маме. Он хотел ей что-то сказать, но только открывал рот и ничего не мог произнести. Уткнувшись в мамины колени, он плакал.

Почти три месяца Эдик молчал, наконец, заговорил, но так сильно заикался, что никто не мог его понять, даже мама. Я ему служила переводчиком, потому что только я лучше всех знала, что он хочет сказать.

Эдик после этого случая стал нервным, не общался с ребятами, потому что они его не понимали. И он на всю жизнь остался заикой. В те годы не лечили заикание, да и не до того было.

Глава восьмая. Донос в гестапо

Осенью 1944 года в лагерь приехал бывший советский генерал Власов, добровольно сдавшийся немцам и с их одобрения создававший так называемую «русскую освободительную армию». Он ездил по лагерям для военнопленных и вербовал добровольцев в свою армию.

В нашем лагере добровольцев не нашлось. На другой день немецкие власти прислали военно-медицинскую комиссию и, отобрав десятка два более или менее здоровых ребят, надели на них форму РОА, погрузили в эшелон и повезли на фронт.

Но никто не мог воевать против своей страны, а потому ночью ребята разобрали пол в вагоне и сбежали.

Однако лагерь находился в глубоком тылу, фронт далеко, бежать некуда, и они вернулись. Обратились к моей маме за помощью. Она выдала им нагрудные номера погибших пленных, которых не успела занести в журнал учета. Мы, пленные, для немцев были все на одно лицо, а потому администрация лагеря ничего не заметила. Но кто-то все-таки написал в гестапо донос, и за нашей мамой приехала черная машина.

Дней десять мы о ней ничего не знали, потом черная машина приехала за мной. Меня ввели в большую слабо освещенную комнату. Слева стоял стол, за которым сидел офицер в черной эсэсовской форме. Справа у стены — железный стол, на котором лежали какие-то металлические инструменты, и рядом лавка, тоже железная. Вскоре я на себе узнала для чего все это! В этот момент два гестаповца в черной форме с засученными рукавами ввели женщину.

Поначалу я даже не узнала свою мать, а узнав, ужаснулась — она еле держалась на ногах, вся в синяках, лицо опухшее, в волосах седые пряди. Но больше всего меня поразили ее глаза: из зеленых они стали черными, видимо, от перенесенных пыток расширились зрачки.

Увидев меня, она рванулась из рук гестаповцев, но они крепко держали ее. Один из гестаповцев схватил меня и, бросив на лавку, привязал. Меня били нагайкой, из ран брызгала кровь, вырвали ноготь. Мама молчала, я тоже. Но когда гестаповец схватил раскаленную железяку, я услышала истошный крик матери — это был крик раненого зверя. И когда немец приложил раскаленное железо к моей груди, я тоже закричала и потеряла сознание.

Очнулась я уже в бараке. Вокруг меня суетились женщины. Они плакали, смывая с меня кровь, и я услышала, как они

говорили: «Бедная девочка в восемь лет стала седая!» В тот момент я даже не поняла, что речь идет обо мне.

Женщины кое-как состригли волосы на голове, которая была пробита, промыли раны, наложили на них листья подорожника — других лекарств у нас не было. Сильно болел ожог на груди, кровоточил палец с вырванным ногтем, я не могла сидеть, так как кожа была порвана нагайками.

Помощи ниоткуда не ждали — тех, кого брала «скорая», в лагерь уже не возвращались. Их увозили сразу в крематорий.

Через два дня привезли мою маму и бросили на нары, я встала, чтобы помочь уже ей. Она была в ужасном состоянии: бредила, не понимала, где находится, звала то меня, то Эдика, ругалась по-немецки и по-русски, все время просила пить. Я подавала ей воду, вдруг она выхватила у меня ведро и вылила его на себя, а потом начала биться. На шум прибежали солдаты, привязали ее к нарам, но она все не могла успокоиться.

Тогда немцы вызвали машину и, кое-как затолкав в нее нашу маму, отправили ее в «русскую больницу».

Глава девятая. В монастыре

Три месяца мы ничего о ней не знали и решили, что она погибла. Вдруг к нам в барак пришла надзирательница и, взяв за руки меня и брата, повела к зданию администрации. Там на ступеньках стояли две монахини. Увидев нас, они удивленно покачали головой.

Без мамы вид у нас был скорбный: мои раны гноились, белые волосы клочками торчали на голове. У Эдика ножки были рахитичными, живот от баланды из брюквы раздулся. Одежда наша порвалась, и мы сильно оголодали. Монахини подхватили нас на руки и понесли к воротам. Надзирательница что-то им говорила, но они ее почти не слушали.

За воротами стояла повозка, запряженная старенькой лошадкой, и мы поехали в неизвестность.

Эдик прижался ко мне и с испугом смотрел на женщин в непонятных одеждах. Одна монахиня управляла лошадью, а другая укрывала нас одеялом. Наш «экипаж» остановился у собора. Открыв большим ключом массивную дверь, монахини ввели нас в комнату, где на кровати сидела наша мама. Я заметила, что синяки и отеки на ее лице прошли, глаза уже не черные, но какие-то мутные.

Она протянула к нам руки, но вдруг забилась в судорогах и упала на кровать. Монахини вызвали доктора, и повели нас в другую комнату, раздели и посадили в ванну, а наше тряпье выбросили.

После ванны нам дали чистую одежду: Эдику брючки на бретельках, рубашку, теплую курточку, носки и ботинки, а мне — платье с длинными рукавами, теплые штанишки, ботинки. Все мои раны протерли, намазали мазью и перевязали.

А потом нас накормили манной кашей. Она была без масла, без сахара и молока, но нам казалось, что ничего вкуснее, ни до, ни после войны мы не ели! Мы до блеска вылизали свои тарелки. И долго еще потом мы с братом вспоминали эту кашу. Монахини смотрели на нас и плакали. К вечеру они отвезли нас в лагерь, положив нам в карманы немного сухарей.

Дня через три монахини снова приехали за нами. В монастыре нас сразу отвели в комнату мамы. Она встала с кровати, обняла нас и расплакалась. Осмотрев меня и увидев, какие страшные незаживающие раны на мне, она снова заплакала. Ей дали выпить какое-то лекарство. Успокоившись, она рассказала, что здесь ее очень хорошо лечат, несмотря на то, что она русская. В монастыре много больных разных

национальностей, в том числе и немцев, особенно детей.

Еще несколько раз за нами приезжали монахини. В один из таких приездов мы увидели женщину, которая разговаривала с нашей мамой по-немецки. Она подошла к нам, осмотрела Эдика, а потом меня. Особенно внимательно осмотрела мои раны. Повернувшись к маме, она что-то сказала ей, я поняла только «отдай мне». Мама замотала головой. Женщина снова настойчиво стала говорить, показывая на меня.

Я не понимала, что она говорит, но почему-то почувствовала к ней доверие, я даже подошла поближе. Женщина обняла меня, а я прижалась к ней. Мама удивленно глянула, помолчала и через паузу сказала: «Доченька, хочешь пойти к этой тете жить?» Я ответила: «Да, хочу». Мама посмотрела на меня и согласилась. Женщина заулыбалась и снова обняла меня.

Когда женщина ушла, мама сказала мне: «Эту женщину зовут фрау Анна, она ненадолго возьмет тебя к себе, чтобы подлечить. Как только из монастыря меня отпустят, фрау Анна придет, и ты некоторое время поживешь у нее, подлечишься».

Глава десятая. Рассказ матери

Через три дня мама вернулась в лагерь. Она рассказала, почему попала в гестапо, что там происходило, и как оказалась в монастыре. «На меня одна семья из пяти человек, — рассказала мама, — живущая с нами в одном бараке, написала донос в гестапо. В доносе было написано, что я помогла скрыться сбежавшим из эшелона завербованным солдатам „русской освободительной армии“. А как конкретно помогла, не было указано.

По-видимому, они не знали, как я это сделала. Кроме того, они написали, будто каждый советский праздник вставала утром и кричала „Да здравствует Сталин! Ура!“ Я сказала следователю, что я не самоубийца, чтобы в бараке, где находится больше трехсот человек, кричать ура, за которое расстреливают, что у меня двое детей, ради них я должна жить.

Меня били, я молчала, потому что знала, стоит мне в чем-то признаться, погибнут спасенные мной ребята, да и меня убьют. Мне чем-то кололи спину, и я теряла сознание (у мамы всю жизнь на спине были какие-то белые пятна, и она не переносила никаких уколов).

Как я все выдержала? Сама не понимаю. Я знала только одно: я должна выжить, чтобы мои дети не погибли, а потому должна все отрицать. И отрицала, кричала и яростно ругалась на двух языках. Следователь позже сказал, что он никогда даже от солдат не слышал такого сквернословия.

Именно мое непризнание спасло меня от казни. Конечно, сыграло свою роль и то, что к концу 1944 года немецкая армия отступала по всем фронтам, положение в Германии было тяжелым, многие немцы уже сами думали о том, как спасти свои жизни. Вот почему меня не казнили, а вернули в лагерь умирать.

Когда меня повезли в так называемую русскую больницу, на дороге машину остановили монахини. Они уговорили водителя передать меня в больницу, находящуюся в монастыре.

В течение трех месяцев они лечили меня, пока мое сознание не прояснилось. Я пришла в себя, но не сразу смогла вспомнить кто я, откуда, и что со мной случилось. Когда вспомнила и все рассказала монахиням, они слушали и крестились.

Больше всего я беспокоилась о детях. Чтобы лечение шло быстрее, они, по договоренности с начальником лагеря, иногда приводили детей ко мне.

В монастыре не хватало персонала по уходу за больными и, когда мне разрешили вставать, я стала помогать монахиням.

И вот тогда я познакомилась с фрау Анной. Ее сын лечился в монастыре, и я много времени проводила у его кровати.

Однажды фрау Анна увидела моих детей в монастыре. Первое время она меня ни о чем не спрашивала. А потом спросила, кто я, как оказалась в Германии, что случилось со мной. Не знаю почему, но я доверилась ей и рассказала обо всех своих злоключениях. Фрау Анна слушала и качала головой.

Через несколько дней она подошла и предложила отдать ей мою дочь Лилю. Вначале я испугалась: как это отдать? Анна сказала: „Посмотри на Лилю. Она не выживет или останется инвалидом, если немедленно не оказать ей медицинскую помощь. Мой муж воевал в России, был ранен и оставлен своими товарищами умирать на снегу. Его спасла русская крестьянка. Он писал мне, чтобы я помогла русским пленным, чем могла. И я хочу спасти твою дочь“.

Через несколько дней фрау Анна появилась в нашем лагере и зашла в здание администрации. Вскоре она пришла в наш барак в сопровождении надзирательницы и объяснила, что начальник лагеря разрешил ей взять мою дочь на воспитание. Я опять заколебалась, но Анна заверила меня, что берет девочку только для того, чтобы подлечить.

И я согласилась. Анна взяла мою дочь за руку и та доверчиво пошла с ней к выходу из лагеря, даже ни разу не оглянувшись. А я стояла и тревожилась, что-то ждет мою девочку, но я не имела права не использовать шанс на ее спасение».

Глава одиннадцатая. Фрау Анна

Я шла с Анной, которая держала меня за руку, и весело подпрыгивала. Не знаю почему, но я чувствовала, что впереди меня ждет что-то хорошее. Мы подошли к красивому трехэтажному дому, окруженному большим садом.

Как только мы вошли в дом, служанка сразу сняла мою одежду. Увидев раны, всплеснула руками и перекрестилась.

Усадив в ванну, подстригла и осторожно, стараясь не задеть раны, искупала меня, надела красивое платье и тапочки.

Она отвела меня в столовую, где стоял большой стол, накрытый белой скатертью, за столом уже сидели фрау Анна и мальчик в белой рубашке, в брюках ниже колен и гетрах.

Он был похож на тех мальчишек, которые учились в школе «гитлерюгенд» рядом с нашим лагерем. Проходя мимо нас, они всегда кричали, что мы «русские свиньи», и кидали в нашу сторону камни и палки.

Поэтому, увидев этого мальчика, я вскрикнула: «Ты есть гитлерюгенд?» Я, как и все лагерные дети, немного говорила по-немецки и что-то понимала. Фрау Анна рассмеялась и сказала: «Нет, нет! Он обычный немецкий мальчик и учится в обычной школе. Все школьники Германии должны носить такую форму. Лиля, это мой сын, его зовут Ганс».

На столе была такая вкусная еда, что у меня кружилась голова. Мне налили суп, который я быстро выхлебала, потом поставили тарелку с кашей и маленьким кусочком мяса. Их я тоже быстро съела и снова посмотрела на стол, но Анна сказала, что мне нельзя много есть, иначе я заболею.

После ужина Ганс повел меня в сад. От сытного ужина я совсем осоловела и еле тащилась за ним. Ганс довел меня до спальни и уложил в постель. Я тут же уснула.

Проснулась я как обычно рано: надо бежать в столовую за едой. Оглядевшись, я вспомнила, где нахожусь. Подошла к окну, но на улице было темно, ничего не видно. Осматривать комнату постеснялась. Снова легла в постель, но не спалось. Захотела в туалет, но не знала куда пойти. Сидела на кровати и терпела. Услышав шаги, очень обрадовалась.

Вошла служанка. Я спросила, где туалет. Она вытащила из-под кровати горшок, но я стеснялась при ней. Служанка все поняла и, взяв меня за руку, повела на нижний этаж и показала туалет. Когда я вернулась в спальню, служанка меня снова уложила в кровать, и я крепко уснула.

Утром после завтрака мы с фрау Анной отправились в

больницу к знакомому доктору. Осмотрев мои раны, он воскликнул: «О, mein Gott»[7] — и сказал, что мне необходимо сделать небольшую операцию. Отвел меня в операционную и, сделав обезболивающий укол, зашил рану на голове, на правом мизинце, где был вырван ноготь, и на правом глазу. Перевязав другие раны, посадил меня в кресло на колесиках и отвез в приемную комнату, поручив фрау Анне посидеть в течение часа около меня, чтобы я не трогала бинты. Мне дали какой-то напиток, и я вскоре уснула. Проснулась я уже на операционном столе. Врач обрабатывал ожоги, затем наложил какую-то мазь. На машине нас с Анной отвезли обратно в ее дом. Анна сама отвела меня в мою комнату, принесла еду, сама с ложки накормила, дала выпить напиток, и я уснула.

Время от времени я просыпалась, видела сидящих около меня то Анну, то Ганса. Оказалось, я проспала более суток. Проснувшись, я почувствовала себя здоровой. Впервые за последние три месяца не было сильных болей, которые не давали мне покоя. Передо мной сидел Ганс и улыбался. Он позвал служанку, попросил ее одеть меня, и повел в столовую, где уже находилась фрау Анна. Она рассказала, что доктор — ее родственник. С риском для себя он обещал помочь мне, но не мог оставить меня в больнице, так как я русская пленная, и кто-нибудь из персонала мог сообщить об этом в гестапо, но обещал навещать меня.

И доктор действительно приходил часто, делал перевязки и удивлялся, как стойко я терплю боль при снятии прилипших бинтов.

Через неделю фрау Анна решила сходить со мной в лагерь, чтобы моя мама не беспокоилась обо мне. Она надела на меня красивое платье, туфли с носочками в тон платья, пальто и шапочку с помпоном и взяла сумку, наполненную продуктами и одеждой.

Вначале зашли в кабинет надзирательницы. Фрау Анна поговорила с ней и вручила какой-то увесистый пакет. Надзирательница, принимая пакет, заулыбалась и вышла. Через несколько минут она привела мою маму и удалилась.

Мама кинулась ко мне, осмотрела и ощупала всю. Только потом она подошла к фрау Анне, обняла ее и поблагодарила.

У фрау Анны появились слезы на глазах. Она отвернулась, вытерла слезы платком и рассказала, как идет лечение, чем я питаюсь, и о нашей дружбе с Гансом. У мамы тоже появились слезы.

Они разговаривали, а мне хотелось скорей вернуться в дом Анны. Кроме того, я боялась, что меня могут оставить в лагере, и

я заторопила Анну: «Пойдем домой!» Мама удивилась: «Ты сказала домой? Тебе там действительно хорошо».

В этот момент зашла надзирательница и объявила, что пора уходить. Я взяла за руку фрау Анну и потащила ее к воротам.

Когда я оглянулась, мама плакала. Я помахала ей рукой. Таким же образом мы приходили еще несколько раз.

Прошло два месяца. Моей маме уже не доверили работу с документами и вернули ее на завод. Мои раны заживали, волосы отросли. Я даже повеселела.

Но при последнем посещении случилась неприятность. Когда мы вошли в кабинет надзирательницы, она почему-то вышла и через несколько минут появилась в сопровождении прихрамывающего высокого человека в военной форме с моноклем в глазу. В руках он держал стек и постукивал им по сапогам.

Я поняла, что ничего хорошего от него ждать нельзя. Военный кричал на фрау Анну, стуча по столу стеком. Она пыталась что-то сказать, но он ничего не слушал.

Потом военный схватил меня за руку, подтолкнул к надзирательнице и приказал ей отвести меня в барак.

Я заплакала, фрау Анна тоже. Военный опять что-то быстро и возмущенно стал говорить, я не понимала почти ничего. Надзирательница потащила меня к нашему бараку. Уложив на нары и накрыв одеялом, сказала, чтобы я тихо лежала, никуда не выходила, и ушла.

Поздно вечером пришла мама с работы. Она рассказала, что в лагере сменился начальник. Вместо прежнего пожилого, по-своему доброго человека, пришел бывший офицер, воевавший на восточном фронте. Из-за полученной на фронте контузии он был зол на всех русских.

Новый начальник завел строгие порядки, усилил охрану лагеря, заставил детей старше восьми лет работать на заводе, за каждую провинность подвергал пленных наказанию и сажал в карцер.

Через несколько дней в барак пришла надзирательница и сказала, что пришла фрау Анна: «Беги скорей, пока нет начальника». Фрау Анна передала мне два узелка.

Обняв меня, она со слезами рассказала, что начальник лагеря запретил ей воспитывать русских детей. «Если ты хочешь воспитывать детей, — сказал он мне, — то возьми немецкого ребенка. Сейчас много немецких сирот». Фрау Анна расплакалась: «Я очень привязалась к тебе и буду время от времени приходить к вам, помогать, чем смогу».

Надзирательница предупредила, что скоро вернется

начальник. Поцеловав меня, фрау Анна быстро ушла. Она еще несколько раз приходила.

Но однажды в тот момент, когда она подошла к воротам лагеря и разговаривала с надзирательницей, из своего кабинета выскочил начальник лагеря.

Увидев меня рядом с воротами, ударил меня по лицу и, дернув за руку, подтолкнул к бараку. Я побежала, на ходу оглядываясь. Начальник лагеря продолжал кричать, а фрау Анна стояла, опустив голову.

Еще раз оглянувшись, я увидела, как она понуро уходит. Больше мы ее не видели. Надзирательница рассказала, что начальник лагеря обещал фрау Анне сдать ее вместе со мной в гестапо, если она еще раз появится около лагеря.

Позже, когда наш лагерь освободили, мы пытались ее найти. Я хорошо помнила дорогу к дому фрау Анны, но там мы нашли одни руины, которые остались после прямого попадания бомбы.

Глава двенадцатая. Последние месяцы плена

Даже после исчезновения фрау Анны, начальник лагеря не оставлял меня в покое. Так как мне уже исполнилось восемь лет, он отправил меня работать на завод: чистить паровозные топки от сажи. Работа была очень тяжелой и опасной для здоровья: лопатками дети должны были счищать со стен топки паровоза накопившуюся от сгоревшего угля сажу.

Никаких защитных средств не выдавали. Я уже через две недели стала кашлять и отхаркивать сажей. Увидев это, мама испугалась и решила пойти на хитрость. Утром, когда солдаты пришли в барак выгонять пленных на работу, она накрыла меня матрасом и сказала, чтобы я лежала тихо. Хитрость удалась.

Солдаты выгнали всех на улицу, а меня под матрасом не заметили. Так прошло несколько дней. Но на заводе заметил мастер-немец, что не хватает детей. Один солдат зашел в барак с собакой, которая обнюхивала все нары. Собака быстро нашла мальчика лет двенадцати, который прятался под нарами.

И приблизилась к нашим нарам. Я почувствовала ее дыхание и замерла. Матрас приподнялся, и я увидела прямо перед своим лицом раскрытую собачью пасть с огромными клыками. И пес и солдат молча, смотрели на меня. А я, маленькая, худенькая, испуганно смотрела на них.

Минуты две длилась немая сцена. Солдата кто-то окликнул, он опустил матрас, взял собаку за ошейник и ушел. Я выпрямилась под матрасом, и выдохнула: опять осталась жива. Видимо, у меня был такой жалкий вид, что и солдат и собака пожалели меня.

На другое утро в барак вошел тот же солдат с собакой. Он подошел снова к нашим нарам и поднял матрас. Я ему даже улыбнулась, солдат, к удивлению, ответил улыбкой, однако прижал палец к губам и положил кусочек хлеба. Собака зарычала, но солдат дернул ее за ошейник и ушел вместе с ней. Овчарка даже на прощанье лизнула меня в лицо.

А новый начальник лагеря продолжал свирепствовать. Каждый вечер на площадь сгоняли уставших, проработавших 12 часов пленных и устраивали наглядные экзекуции: одних провинившихся сажали в карцер с мокрыми каменными стенами, где был холод и клопы. Других избивали нагайками — такими резиновыми плетьми, на концы которых привязывались металлические гайки. При ударе кожа сразу же

лопалась.

После такого наказания человек несколько дней не мог сесть, а шрамы оставались на десятки лет. Как, например, у меня.

Кроме того, узнав, что дети пользуются проделанным в проволочном ограждении лазом, начальник поменял время подачи электроэнергии и стал наблюдать, что будет.

Я норовила первой пробраться через проволоку. И в этот раз я быстро побежала, но заплакал мой брат Эдик, я вернулась к нему и стала успокаивать его. Вдруг раздался крик. Я обернулась и увидела, как два мальчика повисли на проволоке, их руки сразу же стали черными, обгоревшими.

Из-за угла вышел начальник лагеря и тряхнул проволоку. Трупы мальчиков свалились к его ногам, лица их тоже были черными. Я вместе с братом спряталась в бараке.

Я так хотела, чтобы этот ужасный человек так же, как мальчики, почернел от проволоки, за которую он продолжал держаться! Но нет! Я слышал его громкий голос, значит, он был жив и здоров…

Мы с братом легли на верхние нары, укрылись одним одеялом. Я лежала, а перед глазами рисовались разные картины смерти начальника лагеря. Поздно вечером пришла мама, ей уже кто-то рассказал о случившемся. Она сначала меня обняла, а потом стала ругать и кричать, чтобы я не смела больше никуда ходить, чтобы все время сидела в бараке.

Через несколько дней мы узнали, что наш лютый начальник погиб при бомбежке. Ура! Теперь я свободно могла ходить по территории лагеря. Но через проволоку ходить уже не решалась.

В середине декабря 1944 года появился новый начальник. Пожилой, толстый, в поношенной офицерской форме без погон, скорее похожий на бюргера, чем на кадрового офицера. В сопровождении нескольких офицеров СС он обошел всю территорию лагеря, осмотрел бараки, заглянул в столовую, особенно долго оставался в помещении бани.

Некоторое время ничего не происходило, все шло по давно заведенному порядку. Но вот 24 декабря, когда немцы отмечали католическое рождество, объявили выходным днем. В столовой всех пленных накормили пшенным супом, заправленным каким-то жиром, потом дали по кружке молочной сыворотки и куску хлеба.

Вошел начальник, поздравил всех с рождеством. Пленные настороженно смотрели на него, чувствовали, что все это неспроста. На выходе из столовой каждому вручали еще по куску хлеба, намазанному маргарином, и газету.

Люди были озадачены и разошлись по своим баракам молча.

Там они развернули газету на русском. Давно мы не видели ничего на родном языке. На весь лагерь была только одна, чудом сохранившаяся книга — повесть «Салават Юлаев».

В газете было написано, что германская армия восстановила свои силы и пошла в наступление на всех фронтах, что Советский Союз распадается, и все бывшие советские республики будут принадлежать великой Германии. В газете даже была нарисована карикатура: карта Советского Союза, где «откалываются» республики, и Сталин с большим носом, весь скрюченный, длинными руками пытается удержать их…

Пленные рассматривали газету, но между собой ничего не говорили, боялись доносов. Накопленная за долгие годы тяжелого труда усталость сломила их. Вдруг громко загудела сирена, предупреждающая о налете авиации. Люди вскочили с нар и побежали к выходу из бараков, и в этот момент на территорию лагеря стали падать бомбы. От прямого попадания разрушились три барака. Несколько бомб упали на землю, но не взорвались.

Около сотни человек оказались убиты и ранены, в том числе три немецких солдата. Пленных, взрослых и детей, заставили собирать трупы и раненых, а также откапывать засыпанных землей. Это была страшная работа! Кругом тела и фрагменты тел, нестерпимые звуки — стоны раненых. Немецких солдат увезли хоронить, а тела пленных закапывали прямо в траншеи на территории лагеря.

Легкораненых оставили в лагере, тяжелых отправили в так называемую «русскую больницу», откуда они уже не вернулись.

Поздно вечером всех собрали на площади. Начальник лагеря сообщил: «Лагерь бомбили американские самолеты по заданию Сталина, который всех пленных из Советского Союза считает изменниками. Их по возвращению на родину расстреливают или ссылают в Сибирь. Поэтому тем пленным, кто будет хорошо работать, Германия разрешит остаться на жительство в стране. Продолжайте усердно трудиться во имя великой Германии».

Толпа выслушала речь и разошлась по уцелевшим баракам. Утром, когда все вышли на построение, объявили, что на территории лагеря обнаружены неразорвавшиеся бомбы, которые необходимо обезвредить. Всем пленным приказали забрать из бараков свои вещи и строем отвели на завод.

Прежде, чем загнать нас в ангар, немцы выбрали из строя несколько мужчин покрепче и увели их куда-то. Мы все кое-как разместились на новом месте. Было тесно и холодно, невозможно ни пошевелиться, ни выйти из здания. Вдруг со стороны нашего лагеря послышался мощный взрыв, затем еще несколько.

Люди зашевелились, сидящие у выхода попытались выйти, но

за дверями стояли солдаты. Часа через три, когда люди уже изнемогали от тесноты и духоты, двери открылись, и все потянулись из ангара, становясь в строй. Находясь несколько часов без движения, пленные еле шли. Солдаты стали подгонять их ударами прикладов, а собаки — рычанием. На территории лагеря появилось несколько новых глубоких воронок, на земле лежали мертвые тела.

Это были те мужчины, которых увели солдаты. Их заставили разминировать неразорвавшиеся бомбы. Конечно, это закончилось трагически: большинство погибли на месте, другие, тяжелораненые, истекли кровью. Больше бомбежек лагеря не было, но при звуках сирены мы продолжали прятаться кто куда.

В наступившем 1945 году первые два месяца пленных еще гоняли на завод. Правда, обстановка была тревожной и нервозной. Количество солдат, охранявших наш лагерь и сопровождавших пленных на работу, с каждым днем все уменьшалось.

Работа теперь заключалась не в ремонте паровозов и вагонов. Напротив, пленным приказали разбирать станки, производственные помещения, собирать документацию. Все это грузилось на автомашины и вывозилось.

В середине марта немцы собрали мужчин и погнали на завод. Их заставили минировать оставшееся на заводе оборудование. Многие из них подорвались или были тяжело ранены.

Глава тринадцатая. Освобождение

Стало понятно, что готовится эвакуация завода, а это означало приближение наших войск. Но что будет с нами? Бежать невозможно, так как мы не знали расположения фронта, где какие войска находятся. Кроме того, через проволочное заграждение снова круглосуточно стали пускать ток.

Собак с вечера и на всю ночь отпускали бегать по территории лагеря. Их уже плохо кормили, они были злющие-презлющие.

В конце марта несколько сот человек загнали в помещение переоборудованной бани и пустили отравляющий газ. Мы это поняли на другой день.

К бане подогнали огромные грузовики и из большого окна по конвейеру стали загружать трупы. Те, кто увидел эту картину, разбежались по баракам. Люди в испуге стали прятаться кто куда. Но куда можно спрятаться на территории лагеря? В вырытые траншеи, под матрасы, в разбитые бараки!

Однако несколько дней никто не интересовался пленными. Зато в здании администрации лагеря царила суматоха: подъезжали автомашины, вывозили мебель, документы, что-то жгли на костре.

В конце марта в лагерь въехал большой крытый грузовик, из которого выскочили несколько десятков солдат. Они стали выгонять людей из бараков и направлять к бане.

Начался переполох, крики, плач. Мама схватила меня и Эдика, побежала к дальнему разрушенному бараку и забилась под обрушенную стену, загородившись досками.

Постепенно шум в лагере затих, но мы просидели в своем убежище до наступления темноты. Наконец мы добрались до своего барака, уставшие и голодные, и уснули до утра.

Утром все оставшиеся в живых пленные по привычке собрались около столовой, двери которой оказались закрытыми. Самые сильные решились вскрыть двери.

В столовой никого не было. Зашли на кухню. На полу в беспорядке лежали мешки с кусками засохшего хлеба, с турнепсом и гнилой картошкой. Кто-то стал раздавать хлеб, за которым сразу выстроилась очередь. Вдруг послышался шум въезжающей автомашины.

Все выскочили из столовой и кинулись прятаться. Мама успела схватить несколько кусков хлеба, и мы забежали в ближайший разрушенный барак.

Мы находились недалеко от здания администрации, и нам были слышны голоса немцев, к которым мама прислушивалась.

Она все время прикладывала палец к губам, давая знак молчать.

Поев хлеба, мы с братом уснули. Спустя какое-то время мама растолкала нас и сказала, что автомашины уехали, и она пойдет разведать обстановку. Вскоре она вернулась и сказала, что немцев не видно, здание администрации закрыто, но пока лучше сидеть тихо.

На другой день снова послышался шум автомашин, голоса немцев, лай собак. Лагерь затих, все поняли: приехали за следующей партией жертв. И в этот момент послышался надрывный вой сирены, извещающей о налете авиации. Солдаты мгновенно взобрались на автомашины и уехали. Началась массированная бомбежка. По звуку падающих бомб можно было предположить, что самолеты бомбят, в основном, паровозоремонтный завод. Несколько бомб взорвались на железной дороге. Наш лагерь находился между заводом и железнодорожным узлом, поэтому все бросились прятаться.

Налет продолжался несколько часов. К утру 8 апреля 1945 года стало тихо. И люди сидели тихо, боясь пошевелиться. Гнетущая тишина давила, настораживала. Вдруг послышался шум въезжающих мотоциклов. Опять немцы?

Люди еще больше съежились в своих укрытиях. Мама крепко прижала меня и Эдика к себе. Въехавшие мотоциклы остановились, послышались голоса, речь была явно не немецкой. Они громко разговаривали, смеялись. Кто-то прокричал в рупор: «Рус, выходи! Рус, свобода!».

Наконец те, кто посмелее, стали вылезать из своих укрытий. На площади лагеря стояли мотоциклы, на них сидели солдаты, как потом оказалось, — американские. Увидев грязных, изможденных, в лохмотьях пленных, солдаты замерли, потом выпрыгнули из мотоциклов и стали пожимать им руки и угощать шоколадом.

Меня подхватил на руки чернокожий солдат, негр, как мне потом сказали. Я испугалась, ведь я никогда не видела таких черных людей. Когда же он в улыбке открыл рот, полный крупных белых зубов, я оттолкнула его руками и закричала. Мне показалось, что он сейчас меня укусит…

Солдат громко рассмеялся и, поставив на землю, сунул в руки две шоколадки. Я стремглав помчалась к нашему укрытию, чтобы рассказать маме обо всем увиденном и показать подарок.

Днем в лагерь привезли полевые кухни. На запах пищи с котелками потянулись пленные. После трапезы к пленным обратился американский генерал. Он объяснил, что город освобожден союзными войсками, что в течение трех дней мы, бывшие пленные, а в настоящее время свободные люди. Нам

будет оказана медицинская помощь, налажено питание.

Постепенно люди стали собираться кучками и обсуждать, что им сейчас делать. Наконец решили идти к железнодорожному узлу. Туда в последние месяцы войны немецкие власти при отступлении везли продукты и товары, награбленные в захваченных странах.

Небольшими группами люди направились к станционным тупикам, где стояло множество опломбированных вагонов с награбленным добром. Искали вагоны с продуктами, но когда вскрыли один из них, раздались выстрелы и немецкая ругань.

Люди попрятались за ящиками. Шаги стрелявших затихли, и люди все-таки продолжили вскрывать вагон. В нем оказались посуда, инструменты и даже ящик с пистолетами. Прихватив инструменты для вскрытия вагонов и оружие для обороны, люди двинулись осматривать другие вагоны, и нашли вагон с продуктами.

Погрузив на дрезину тушенку, сухое молоко, сухофрукты и несколько ящиков с разными консервами, люди стали толкать ее по рельсам, ведущим к лагерю (рельсы проходили мимо проволочного заграждения лагеря в сторону паровозоремонтного завода).

Сбежались оставшиеся в лагере, отнесли продукты в столовую. Мужчины открывали пакеты, банки, женщины принялись готовить обед, а дети побежали сзывать всех в столовую.

Оголодавшим бывшим пленным, ставшим свободными всего несколько часов назад, требовалось подкрепление. Через час все сидели за столами.

Оказалась занятая лишь четвертая часть столов. Моя мама тяжело вздохнула: «Сколько же погибло человек! Сколько не дожили до победы!» Поняли это и другие и, погрустнев, молча, принялись за еду. Хорошая еда, которой мы не пробовали много лет, исправила настроение и вернула силы.

Многие решили пойти на станцию и привезти еще продуктов. Прихватив с собой инструменты и оружие, в путь двинулась большая толпа, в том числе и дети. Я бежала впереди.

Вдруг я увидела, что за вагонами мелькнули люди в немецкой военной форме. «Немцы!» — закричала я и, дернув маму за руку, отскочила с ней за какую-то будку. Раздались выстрелы.

Люди попадали на землю. Те, у кого было оружие, ответили беспорядочной пальбой. Послышалась немецкая ругань, стоны. Выстрелы из-за вагонов затихли. Прошло несколько минут. Тишина.

Кто-то пробрался к дрезине, прополз между колес и, оглядевшись, крикнул: «Никого нет!» Все поднялись и увидели, что среди нас было двое раненных и один убитый. Их положили на дрезину, потом открыли первый попавшийся вагон, в котором оказались продукты и одежда. Нашли упаковку с нижним бельем, вытащили из нее рубашку и, разорвав на лоскуты, перевязали раненых.

За вагоном послышался стон. В тишине раздался выстрел и быстро оборвавшийся крик. Кто-то из наших полез под вагон. Вернувшись, он сообщил, что немцы оставили своего раненого, и тот застрелился, не желая сдаваться русским.

Двум женщинам поручили отвезти в лагерь дрезину с ранеными и погибшим. Остальные пошли искать другую дрезину и нашли, даже две. Нагрузив их доверху продуктами и одеждой и прихватив еще оружия, поехали в лагерь, устроили обед, который продолжался до вечера.

Мы, дети, растормошили мешки с одеждой и мерили ее на себя. Взрослые тоже присоединились к нам. Только поздно вечером все угомонились и впервые легли спать сытые и довольные.

На другой день мы увидели, что дрезины, которые оставили около лагеря, куда-то исчезли. Поэтому снова пошли к вагонам небольшими группами. Все нары завалены мешками, тюками, в проходах стояли ящики с разными консервами. На третий день к вагонам пошли только единицы, да и те очень быстро вернулись.

Они рассказали, что видели вооруженных немцев, поэтому не стали рисковать. Мужчины на всякий случай вооружились и закрыли все ворота лагеря.

Люди вернулись в бараки и стали разбирать принесенное и брать себе то, что понравилось. Одежду и обувь мерили, продукты пробовали. Все веселились, смеялись и даже танцевали, но быстро устав, крепко уснули.

Ночью слышались выстрелы. Утром мы увидели у ворот лагеря американских солдат, которые рассказали, что ночью вооруженные немцы пытались проникнуть в лагерь.

Как оказалось, солдаты союзных войск каждую ночь охраняли наш лагерь во избежание провокаций со стороны попрятавшихся немецких солдат. На этот раз мы не испугались чернокожих американских солдат. Все пожимали им руки, благодарили за освобождение из немецкого плена.

Днем к нам приехал генерал в сопровождении большого количества солдат. Он оглядел принарядившуюся толпу бывших пленных и сказал, что три дня безвластия кончились. С сегодняшнего дня вводится режим чрезвычайного положения.

Создана военная комендатура, которая временно будет управлять городом.

Порядок в нашем лагере и нашу защиту от нападения немцев будут осуществлять американские солдаты во главе с офицером. Мародерство и набеги на железнодорожный узел запрещены. В город можно выходить по пропускам с соблюдением комендантского часа и желательно группами.

Мы так и делали: собирались группами, обязательно один кто-нибудь с оружием. Заходили в маленькие магазинчики, брали, что понравится, и уходили. Хозяева не сопротивлялись — молчали. Однажды увидев немку на велосипеде, один из нашей группы подошел к ней и забрал у нее велосипед. Однако когда он въехал в лагерь на велосипеде, дежуривший у ворот американский солдат сказал, что больше ему пропуск в город не дадут.

Приближался праздник 1 мая. В первый год нашего пребывания в лагере накануне годовщины Октябрьской революции моя мама спросила у соседки по нарам, как здесь отмечают праздники. Та прижала палец к губам и прошептала: «Тише! Здесь за это избивают или расстреливают!»

И люди перестали вспоминать о праздниках. Да и уставали так, что еле добирались до нар. Не до праздников было. А сейчас мы — свободные! Приоделись, подкормились, набрались сил, вот и захотелось праздника.

Несколько человек пошли к американскому офицеру за разрешением. Офицер был сыном белоэмигранта, уехавшего из России после революции в Соединенные Штаты Америки. Звали его Майкл, и он неплохо говорил по-русски.

Он сказал, именно поэтому его и назначили надзирать за лагерем, где находились пленные из Советского Союза. Молодой и веселый, он по-братски общался с нами, его все называли по имени, чаще на русский манер: Миша. Он не обижался и только смеялся. Майклу понравилась наша идея, и он пообещал поговорить со своим начальством. На другой день Майкл сообщил, что праздник будем отмечать на территории лагеря вместе с американскими солдатами, которым тоже нужно отдохнуть от войны.

И началась подготовка к празднику! Американские солдаты навезли продуктов. Наши мужчины «уговорили» немецкого фермера подарить нам одну свинью…

Посреди лагеря устроили вертел, на который водрузили потрошеную свиную тушу. Тут же неподалеку поставили принесенные из столовой столы и соорудили один общий большой стол и скамейки, а нам, детям, устроили отдельный

стол. Американцы принесли несколько бутылок вина. Нашим мужчинам этого показалось мало, и они тайком от американцев пробрались на станцию, нашли цистерну со спиртом, налили в бутыли и принесли в лагерь. За столом было весело, все смеялись, разговаривали с американцами на смеси трех языков: русском, немецком, английском, но понятнее был язык жестов.

К сожалению, праздник закончился трагически: многим стало плохо. Одних тошнило, другие падали и не могли подняться. Кто-то из американцев вызвал скорую помощь. Приехала бригада врачей. Увидев такое большое количество пострадавших, они вызвали подмогу. Машины одна за другой увозили пострадавших.

Выяснилось, что спирт был отравлен мышьяком. Меньше всего пострадали американцы: они были молодые, здоровые и сытые, им промыли желудки, и через несколько дней они уже были в строю. Советские пленные пострадали сильнее. Изнуренный тяжелым трудом и истощенный длительным недоеданием, их организм трудно поддавался лечению. Несколько человек умерли, у других отнялись ноги, испортилось зрение. Было так обидно: пережить все невзгоды плена и пострадать после освобождения!

Через несколько дней в лагерь приехал какой-то большой военный начальник и объявил, что советское командование требует возврата бывших пленных из Советского Союза. Однако он вынужден нас предупредить, что всех нас ждет ссылка в Сибирь. Поэтому нам дается время подумать о своей дальнейшей судьбе. Тем, кто решит остаться, будет предоставлено право выбора страны для местожительства. Тех, кто надумает вернуться на родину, будут переданы советскому командованию.

Большинство бывших пленных пожелали вернуться. Они не верили разговорам о Сибири, они рвались на родину, домой, к своим родным и близким.

И вот желающих вернуться в Советский Союз погрузили в большие крытые американские автомобили «студебеккер» и повезли на восток к реке Эльба, в Берлин.

Днем мы питались сухим пайком, а вечером приезжала походная кухня, и нам давали горячий ужин. На ночь колонна автомашин, охраняемая солдатами союзных войск, останавливалась в каком-нибудь маленьком городке.

После мрачных бараков, жестких нар и драных, вонючих одеял, немецкие спальни казались нам раем: чистые комнаты и мягкие, приятно пахнущие постели. Всё это было для нас небывалой роскошью.

Мы с братом залезали на чердаки, где находили несметные богатства: поломанные игрушки, о которых за годы плена я

совершенно забыла, а брат совсем их не знал; открытки невиданной красоты. Все это мы тащили вниз и радостно показывали маме.

Через несколько дней мы подъехали к Эльбе. Красивый старый мост был разрушен при наступлении советских войск на Берлин, и через реку построили временный. Он весь шатался, между досками зияли большие щели. Посередине моста проходила демаркационная полоса, разделяющая зоны союзных и советских войск. Все вышли из машин и стали вытаскивать свои вещи. Мама надела на спину мешок с детской одеждой, сама взяла два чемодана, остальное оставила на берегу. Она решила сначала перевести нас через мост, оставить на том берегу и вернуться за остальными вещами.

Мы перешли демаркационную линию и ступили на противоположный берег. Мама оставила нас с вещами и повернула к мосту. Дорогу ей преградил советский офицер: «Вы перешли границу, находитесь на контролируемой советскими войсками земле и возвращаться на чужую землю нельзя». Мама расплакалась: «Там остались наши вещи, главное — теплая одежда и обувь. Ведь мы едем в Россию, где холодные зимы, мы не знаем, куда приедем, где будем жить». Офицер только пожал плечами.

Сердце защемило, но вокруг кипела толпа бывших пленных. Люди обнимались с советскими солдатами, осматривали их новую военную форму и погоны, смеялись и плакали. Вот кто-то пустился в пляс, услышав, как солдат наигрывает на аккордеоне «барыню». И мы тоже влились в этот хоровод эмоций.

Нас распределили по автомашинам по 12 человек. Это были огромные вместительные машины, покрытые брезентом, с высокими бортами, вдоль которых установлены широкие скамьи. Эти машины на долгое время стали нашим домом. На них мы проехали по Германии, Пруссии и Польше до белорусского города Брест.

Колонну автомашин сопровождали солдаты и полевая кухня. По-особому запомнился Берлин, весь в руинах. Поникшие, голодные немецкие дети, женщины и старики подходили к нашим машинам и, не поднимая глаз, просили у нас продукты в обмен на вещи. А я, глядя на них, вспоминала, как голодали мы. Но не испытывала торжества справедливости. Напротив! Мне было их очень жаль, ведь я знала, что такое голод и как тяжело его переносить!

Помню, как к нашей машине подошла женщина с девочкой моих лет. В руках женщины была большая кукла с белыми волосами, голубыми глазами и в нарядном платье. Девочка тоже

держала куклу, но поменьше.

Женщина стала показывать нам большую куклу, которая говорила, закрывала и открывала глаза, двигалась, когда ее заводили ключом. Я затрепетала, эта кукла — предел моих мечтаний! Увидев мое волнение, мама подала женщине буханку хлеба, а та положила мне в руки куклу.

Девочка взглянула на куклу в моих руках и тяжело вздохнула. Женщина что-то сказала моей маме и забрала маленькую куклу у девочки, та горько заплакала. Женщина прикрикнула на девочку и обменяла куклу на кусок сахара.

Девочка продолжала плакать. Я не выдержала и вернула ей куклу. Она радостно прижала ее и улыбнулась мне. Женщина неохотно протянула маме кусок сахара, но тут моя мама отрицательно помотала головой. Немка застыла с протянутой рукой. Но когда мама вторично помотала головой, она улыбнулась, взяла девочку за руку и они пошли, но постоянно оглядывались и махали рукой.

Часа через два женщина снова появилась, что-то положила в руки моему брату Эдику. Мы посмотрели, что она положила. Оказалось, что это детская машинка, совсем как настоящая, только не хватало одного колесика.

Но мой брат никогда не видел игрушек. Он вцепился в эту машинку, прижимал ее к себе, катал по земле, дудел как паровоз и даже лег спать вместе с ней.

К сожалению, моя кукла недолго дарила мне радость. На одной из остановок я, вылезая из машины, уронила ее на дорогу. От удара о мостовую голова куклы раскололась, и из нее выпали прекрасные голубые глаза. Мне было страшно смотреть на ее выпавшие глаза.

Как будто разорвался снаряд рядом с ребенком, и он умирает. Я взяла куклу на руки, попыталась вставить глаза…

Мама подошла, перевязала кукле голову, вставила глаза, но они не двигались, и я поняла, что моя кукла умерла. Я много видела смертей и знала, что нужно делать. Я нашла большую коробку, положила туда куклу, закрыла крышкой, отошла подальше от дороги, выкопала ямку и положила туда коробку. Засыпав ямку, нарвала веток и обложила ими могилку.

Я не плакала, тихо постояла и пошла к своей машине. Люди молча наблюдали за мной, у некоторых были в глазах слезы. Они, как мне кажется, вспоминали смерть своих детей.

Из Берлина колонна машин направилась на восток. Перед отъездом нам выдали паек на три дня: тушенку, сахар, галеты, сухое молоко. Эти продукты Советскому Союзу поставлялись из Соединенных Штатов Америки.

Когда мы подъезжали к территории Польши, нас предупредили, чтобы на стоянках далеко от машин не отходили, воду из колодцев не пили и никакое угощение от местных жителей не брали, так как все это может быть отравленным.

Колонну поляки несколько раз обстреляли. И нашим солдатам приходилось вступать в перестрелку. Мы спрашивали солдат, почему поляки стреляют. Наши сказали, что многие ненавидят русских. Почему? Солдаты пожимали плечами…

Послесловие

В конце июля прибыли в Брест. Город был почти полностью разрушен. Нас поселили в палатках. И начались вызовы к следователям НКВД. Спрашивали у всех: почему не эвакуировался, что делал в оккупации, как попал в плен, чем занимался. Спрашивали, а потом перепроверяли показания. При малейшем подозрении бывших пленных отправляли в ссылку в северные районы страны. Я почему-то плохо помню события того периода.

Запомнился только случай, связанный с нашей судьбой. В палаточном городке существовало правило: на допрос вызывали только один раз. Если вызывали вторично, значит НКВД «раскопал» в твоей биографии что-то…

И вдруг нашу маму снова вызвали к тому же следователю. Ее охватил ужас! Неужели отправят в Сибирь? А дети? Ведь пропадут! В страхе кинулась к своей подруге с просьбой присмотреть за детьми, написала ей адреса всех своих родственников, которые могут забрать их.

Мама плакала, целовала меня с Эдиком, суетилась, собирая себе узелочек необходимых в дороге вещей. Мы с братом тоже плакали, особенно Эдик. Он повис у нее на шее и кричал: «Мамочка, не уходи! Не бросай нас!». Мама с трудом оторвала его руки от себя и, плача быстро вышла из палатки с узелком в руках. Мы остались одни. Было жутко. Я уложила брата в постель, Он продолжал всхлипывать, я легла рядом с ним. За годы войны мы привыкли быть всегда настороже. Через некоторое время я услышала шаги, в палатку входила мама со своей подругой. Я кинулась к ней. Мама села на кровать, обняла меня и Эдика и рассказала, что с ней произошло.

Когда она вошла к следователю, он резко начал: «Дерябина, вы не все нам рассказали, вы кое-что скрыли!» Следователь постучал карандашом по столу и сурово продолжил: «Вы скрыли от нас фамилию тех, кто написал на вас донос в гестапо». Мама ответила: «Но я не знаю, кто написал. В гестапо мне никого не называли». Следователь усмехнулся: «А вот я их назову». И назвал. Семья: отец, мать и трое взрослых сыновей. Отец при немцах служил старостой в деревне и сильно лютовал. Сыновья дезертировали из Красной Армии.

Все они добровольно поехали на работу в Германию, надеялись разбогатеть. Но немцы и их отправили в бараки. Но они даже в лагере пытались выслужиться. Случайно узнав о побеге ребят из «русской освободительной армии», написали

донос в гестапо…

Наконец следователь вручил маме документ, удостоверяющий личность.

Посмотрев на узелок в ее руках, он усмехнулся: «Что, испугалась? Скажи спасибо, что побывала в гестапо, иначе тоже загремела бы на Север. Ладно, иди к детям и готовься к отъезду».

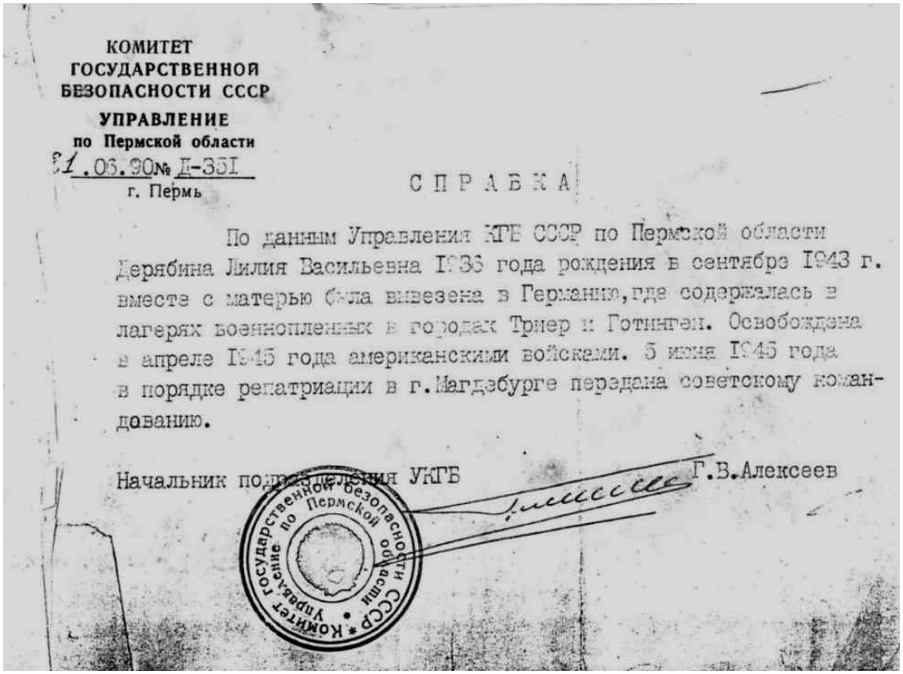
Рассказав нам об этом, мама обняла меня и брата: «Ну, дети, поедем домой, на Дальний Восток. У нас там квартира, я вернусь на работу! Заживем!»

Через неделю нам вручили билеты, и мы стали собираться в дорогу, желая поскорее добраться до дома, до родного Владивостока.

Мы не знали, что впереди нас ждут новые суровые испытания уже в родной стране.

Адрес для связи с автором: deriabina.lilia@yandex.ru

Приложение. Фотоиллюстрации



КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР
УПРАВЛЕНИЕ
по Пермской области

21.06.90№ Д-351
г. Пермь

СПРАВКА

По данным Управления КГБ СССР по Пермской области Дерябина Лилия Васильевна 1936 года рождения в сентябре 1943 г. вместе с матерью была вывезена в Германию, где содержалась в лагерях военнопленных в городах Трир и Готинген. Освобождена в апреле 1945 года американскими войсками. 5 июня 1945 года в порядке репатриации в г. Магдебурге передана советскому командованию.

Начальник подразделения УКГБ Г.В.Алексеев

Комитет государственной безопасности СССР • Управление по Пермской области

1. Справка от КГБ.

2. Лиля и мама Антонина Алексеевна Дерябина, июнь 1941 г.

3. Лиля и папа Василий Павлович Матюхин.

4. Предвоенная фотография мамы.

5. Брат Эдик, г. Пермь, 1953 г.

6. Лиля, мама и Эдик, г. Пермь, 1954 г.

notes

Примечания

1

Партизанский ребенок (нем.).

2

Порядок, еще раз порядок (нем.)

3

О, ребенок! (нем.).

4

Не нужно работать, ложись. (нем.)

5

Кушать (нем.).

6

Война, дерьмо, русские, свиньи (нем.)

7

О, мой бог! (нем.)